

Онтология самосознающей личности сквозь философию Н.А. Бердяева

Михаил Адамов (магистерская программа «Философская антропология»)

Проблема расщепленности субъекта

В работе «От существования к существующему» Эммануэль Левинас утверждает, что философское размышление одинаково легко схватывает и упускает различие между сущим и существованием. Мысль непринужденно соскальзывает с бытия, понятого как действие и экзистенция, к бытию, понятому как мир понятий и объектов. Данная онтологическая проблема неизбежно приводит к проблеме расщепленности субъекта. Именно этот сюжет попал в фокус внимания русского философа Николая Бердяева. Он указывает на изначальный разрыв между «я-объектом» и «я-существующим», индивидуальностью и личностью как некоторый антропологический инвариант. По мнению Бердяева, «я» метафизически социально. Человек мыслит себя как другого, как объект, поэтому у него формируются субъект-объектные отношения с самим собой.

Разработкой этой модели занимался французский психоаналитик Жак Лакан. Вводя в психоаналитический аппарат концепт *стадии зеркала*, он описал конфликтную природу двойственных отношений субъекта. Стадия зеркала Лакана описывает процесс формирования эго у ребенка, когда он узнает свое собственное отражение в зеркале и идентифицирует себя с этим образом. Так у субъекта развивается представление о себе как об объекте, принимаемом им в качестве своей особой индивидуальности. Эта идентификация с двойником в зеркале и формирует эго («я-объект»). Представление о себе как об объекте дает субъекту возможность встроиться в символический порядок культуры. Человек испытывает потребность в устойчивости, ему необходима социальная роль и центрирование в образе я-идеала¹, что он и приобретает через идентификацию с большим Другим. Однако в то же время субъект отчуждается от самого себя. Все, относящееся к «я-объекту» или сознанию, – это постоянная смена личин, зеркальная игра идеальных образов, приобретаемых нами через другого. Субъективность – это псевдореальность и к субъекту как таковому никакого отношения не имеет. «Я думаю, что...», «я считаю, что...» – это не выражение личности, а лишь проговаривание того объекта, которым субъект захвачен.

¹ Миллер Ж.-А. Лакан и политика [интервью] // Неприкосновенный запас. 2009. № 67 (5). С. 17–38.

Основная задача заключается в том, чтобы распознать «я-объект» и избавиться от его ложных идентификаций. Бердяев утверждает, что эгоцентризм и помешанность на собственном «я» выступает настоящим препятствием на пути к личности и к «я-существующему». Отчуждение человека растет все больше, он теряет чувство реального и живет лишь областью воображаемого: фантазмами и иллюзиями. Для философа важно не принимать в расчет иллюзии «я-объекта» на пути к истине своего «я». Такой путь оказывается возможен через трансценденцию и выход за пределы социального мира и мира объектов благодаря существованию Бога и духа. Бог и дух, имея сверхличное содержание, заполняют пустоту внутри человека, спасают от ложных идентификаций, иллюзий субъективности. Бог не является объектом социального мира и общественных институтов, только ему можно довериться без остатка и только в нем можно найти свой центр. Дух – это сила, эманулирующая от Бога. Но чтобы прийти к Богу и духу, необходимы испытания, нужно пройти через боль и страдания.

Бытие самосознающей личности. Становление как духовный путь

В работе «Дух и реальность» Бердяев утверждает, что дух одновременно имманентен и трансцендентен субъекту, так как именно через него имманентное субъекта трансцендирует и перешагивает через себя, а трансцендентное становится имманентным.

Трансцендентность Бога есть наш имманентный опыт, в человеке раскрывается божественное, божественное для него внутреннее, а не внешнее. Это значит, что божественное действует не как детерминация, а как свобода².

Для русского мыслителя трансцендентность имманентна субъекту, это не нечто, находящееся за пределами субъекта, некая скрытая авторитарная воля, которая действует согласно собственным правилам. Данная проблема не способна найти своего разрешения в психологии и социологии, так как эти дисциплины принадлежат объективированному миру. Область исследования личности как единства души, тела и духа находится в метафизической плоскости, ускользая от всяческой научной рационализации и символизации.

Проблему для Бердяева представляет тот факт, что человечество постоянно смешивало понятия духа и души, хотя между ними существует принципиальное отличие. У каждого человека есть душа, и это его природная константа, в то время как дух есть далеко не у

² Бердяев Н. Дух и реальность. М: АСТ; Астрель, 2011. С. 244.

каждого: он служит проявлением высших качеств человека и позволяет возвышаться над остальным миром. Душа всегда непостоянна, ей свойственны сомнения и отсутствие веры. Дух всегда един и представляет собой целостность. В то же время это такая трансцендирующая сила, которая позволяет прорываться за собственные границы. Душа есть изначальная посылка для развертывания духа. Единство личности способно проявиться через победу духа над изменчивостью души. Такой путь неминуемо сопряжен с усилиями и страданиями, но результатом этой борьбы становится обретение истинной свободы в сверхличном.

«Я» есть изначальная данность, личность же есть заданность. Я должен реализовать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба. Сознание личности и реализация личности болезненны. Личность есть боль, и многие соглашаются на потерю в себе личности, так как не выносят этой боли³.

Неустанную борьбу, описываемую Бердяевым, можно проинтерпретировать через интериоризированную диалектику раба и господина внутри субъекта, иначе как борьбу за гегельянское самосознание. Для Бердяева дух не задан человеку как душа и тело. Дух есть потенция, возможность души и тела перейти из животного порядка в наполненный свободой, любовью и смыслом порядок человеческий. На языке Гегеля-Кожева фактом человеческого существования является самосознание, отличающееся от животного самоощущения. И для того, чтобы возыметь дух и стать самосознающим человеком, необходима борьба с самим собой. Важно отстоять свое право быть человеком и не бояться идти на риск. Только через риск человечность верифицируется⁴. Все желания животного направлены только на то, чтобы сохранить свою жизнь. Так и в мире людей всегда остаются те, кто не готов выдержать страдания и боль, связанные с борьбой. Такие индивиды лучше откажутся от собственной личности, признают себя рабами господ, лишь бы сохранить свою жизнь и остаться в границах принципа удовольствия.

Формой бытия самосознания является действие и становление. Дух не может просто принадлежать человеку, он разворачивается в динамике и требует постоянной реализации себя в мире, универсальной формой которого является не пространство, а время. Самосознающая личность постоянно перешагивает через себя, потому как модусом ее существования является

³ Бердяев Н. Я и мир объектов. Париж: YMCA PRESS, 1934. С. 145.

⁴ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа. СПб.: Наука, 2003. С. 15.

«не быть тем, что я есть»⁵. Такой человек, не заботясь о том, кто он есть, проявляет заботу о том, кем он еще может стать⁶. Личность обладает решимостью на онтологическую авантюру, на такое действие, которое не позволит вернуться назад. Таким образом, подлинным существованием является постоянное движение к самосознанию и разворачивание духа. Для Бердяева это становится возможным через практики познания и неустанной работы над собой.

Познание истины и практики себя

Согласно Бердяеву, путь к Богу и свободе лежит через познание, которое он определяет не как простое отражение реальности в сознании, а творческое создание и преображение. В этом смысле человек-познающий постоянно трансцендирует, переходя границы собственного субъективного восприятия. Поэтому познавать – это не объективировать, а наоборот, субъективировать, то есть пропускать через себя, соотносить с собственным существованием и бытием, ставить на знании собственную печать и трансформировать себя в процессе. Для Бердяева познание всегда сопряжено с существованием и совпадает с экзистенциальным актом⁷. Не объективированное познание имманентно бытию. Оно не проливает свет на бытие, оно и есть свет бытия. Но такое познание есть всегда усилие, вырывание себя из потока сущего и занятие по отношению к себе и к миру определенной позиции.

Личность предполагает творчество и борьбу за себя.

Таковую же философскую интенцию о познании мы можем увидеть в концептуализации французского мыслителя Мишеля Фуко. Во втором томе «Использования удовольствия. История сексуальности»⁹ он пишет, что не понимает, зачем необходимо упорствовать в познании, если помимо количественного накопления знания, оно бы не трансформировало человека и не давало бы ему освобождения. Освобождения от автоматизма сознания познающего. Для того, чтобы иметь мужество мыслить самостоятельно, необходимо менять угол зрения и всегда задаваться вопросом, как мыслить и видеть иначе, чем я мыслю и вижу сейчас. И такова задача познания, которое в самом своем процессе изменяет познающего и суть есть постоянное формирование личности субъекта.

⁵ Там же. С. 13–14.

⁶ Дикон Р.А. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65). С. 55.

⁷ Бердяев Н. Я и мир объектов. Париж: YMCA PRESS, 1934. С. 62.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Фуко М. Использование удовольствия. История сексуальности. М.: Академический проект, 2004. С. 14. Т. 2.

Также для Бердяева невозможно появление личности без определенной работы духа над собственной душой и телом. Чтобы индивиду перерасти в личность, он должен постоянно заботиться о себе. Только через такую постоянную практику воспитания себя возможно появление единства личности. Бердяев воспринимает память в первую очередь не как когнитивную способность человека, а как усилие духа, способное сделать личность стойкой и уберечь ее от расщепления. Субъект, принимая свою разделенность и вставая на уровень управленца самого себя, отдает себя под суд собственной совести, производя анализ для предотвращения ошибок в последующей жизни.

Мишель Фуко, посвятивший свой третий период творчества анализу и разработке «техник себя», описывает данные приемы как «герменевтику нас самих». В качестве примера он приводит Сенеку. Проговаривая свой день, стоик выделяет два модуса «я», судьи и обвиняемого, однако выступает по отношению к себе не как судья своего прошлого, а как администратор. Вспоминая свои повседневные мысли и припоминая те нехорошие вещи, которые Сенека в течение дня совершил, он воспринимает их не как проступки, а как ошибки, которые «представляют собой рассогласование целей и средств»¹⁰. Прогоняя по герменевтическому кругу одну ценность за другой, такая практика реактивирует базисные правила и предписания действий. Фукианский субъект испытанием себя собирает воедино правила поведения и переносит их в настоящее, чтобы повлиять на последующие действия.

¹⁰ Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 75–76.

Библиография

- Бердяев Н.* Дух и реальность // Бердяев Н. Дух и реальность. М: АСТ; Астрель, 2011. С. 209–364.
- Бердяев Н.* Я и мир объектов. Париж: YMCA PRESS, 1934.
- Дикон Р.А.* Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65). С. 21–65.
- Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа. СПб.: Наука, 2003.
- Левинас Э.* От существования к существующему // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–65.
- Миллер Ж.-А.* Лакан и политика [интервью] // Неприкосновенный запас. 2009. № 67 (5). С. 17–38.
- Фуко М.* Использование удовольствия. История сексуальности. М.: Академический проект, 2004. Т. 2.
- Фуко М.* О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65–95.